

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ЛАБИРИНТА

Птица с меланхолическими глазами

16+

МЕЛФИНА ФРАЙМАН

Мелфина Фрайман

Птица с меланитовыми глазами

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Мелфина Фрайман

Птица с меланитовыми глазами / Мелфина Фрайман — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Главная героиня - женщина, забывшая собственное имя и внешность. Она заточена в стенах загадочного Лабиринта, откуда день за днем отчаянно ищет выход. Ее путь лежит через залы и темницы, по следам чужой жизни, и она вынуждена пройти его в полном одиночестве. Единственный спутник, который всегда с ней - это сон. Повторяющийся сон о Птице с меланитовыми глазами.

Содержание

Пролог	5
Сон первый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Пролог

Как я оказалась в этом Лабиринте? В потрепанном дневнике моей памяти дни за днями оставляли неразборчивый росчерк карандашом, бледно-серебристый след которого вскоре безвозвратно стерся. Отдавшись бурному потоку времени, я взяла с собой в путешествие по его извилистому руслу только веру в случай, что однажды стены прекратят коридорные перипетии, и я увижу обрубленные концы каменной кладки. Эта вера дарила тусклый свет надежды и из собственных костей прокладывала дорогу к отчаянию.

И вот я в этом Лабиринте, где можно найти столько богатств, чтобы прожить долгую безмятежную жизнь. Но такое положение меня удручает. Люди осудили бы меня: «Живя в роскоши, ты продолжаешь ненасытно искать что-то еще!», – только я в полном одиночестве и мне не перед кем оправдаться за свое корыстолюбие. Я понимаю, Лабиринт не может быть бесконечным, из него есть выход. Именно в поиске свободы от ненавистных стен заключена моя главная цель. В моей жизни есть еще какой-то смысл.

Я встречаю каждый новый день, что росится с рассветом. Мой Лабиринт не любит утреннюю влагу: он достает из тайников туманное покрывало, укутывается в него и продолжает дремать под стрекот ветра. Сквозь это марево едва удается разглядеть, как облака кроткими барашками скачут по небосводу и перепрыгивают через края высоких стен. Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох. Пройдет немало долгих минут прежде, чем Лабиринт спрячет туманное покрывало обратно в тайник, а я, околдованная пестротой восхода, смогу поприветствовать огненного Гостя.

Но вот! Оранжевое светило поднимается над каменным горизонтом, натянув на круглое лицо ритуальную маску. Оно лишь играет в кровавого бога, окропляя перистые облака багряными красками: оно не кусает тело, не колет глаза, только окружает мягким светом и посылает теплые поцелуи. Свою горячность солнце наберет только к полудню.

Помахав рукой раннему Гостю, я продолжаю путь, выложенный однотонной брусчаткой, по длинным коридорам мимо безлюдных комнат, раз за разом сворачивая то налево, то направо, то вновь направо и вновь налево. Десятки, сотни поворотов. Кажется, им нет конца...

Серые стены Лабиринта возвышались надо мной, как грозные великаны, и не позволяли взобраться на свои плечи, чтобы заглянуть за их каменную спину. Все, что было открыто моему взору – это множество залов с разнообразными интерьерами под открытым небом. В таких местах стоял невыносимый запах сырости, цветущего мха и невидимой плесени. Все из-за частых дождей: они врываются в Лабиринт и стекают на мебель, расставленную в комнатах, не встречая на своем пути никаких препятствий. Помимо залов я порой натыкалась на укрытые потолком комнаты, которые больше напоминали темницы – в них всегда было темно и холодно.

Солнечный лик скользил к зениту и гладил меня по макушке невидимой припекающей ладонью. Он привлекал к себе внимание, на что я доверчиво отозвалась: в глазах неприятно защипало, словно в них вонзились крошечные раскаленные иглы, и тут же выступили спасительные слезы.

Небесное светило было моим единственным спутником, что от рассвета до заката плурует со мной по коридорам Лабиринта. И ровно до полудня я всегда считаю его лучшим другом. Утро – это начало пути по лазурной долине нашей дружеской близости. Но в середине дня Солнце становится тираном. Оно изматывает, обжигает, доводит до слез, и мне хочется, чтобы оно скорее закатилось за каменный горизонт и было свергнуто хладнокровной луной, которая завернет нашу близость в звездный саван. Когда это случится, я, запинаясь о стыки брусчатки, поросшие плесенью, обессилено упаду в ближайшем переходе в маленькое кресло и крепко усну, чтобы увидеть свой единственный сон.

Сон первый

Меланитовые глаза всматривались в смутную даль, где маячила белым флагом эфемерная свобода. Птица сидела неподвижно, слушая, как гомонливо кружили над головой злостные шептуны, пока капля за каплей стекала кровь с перьев, что обтягивали ее измученное тело бархатом траурного платья. Она не жила... Она существовала и была узником мраморной клетки.

Холодный камень окружал птицу со всех сторон: белоснежный купол был увенчан золотыми пиками, а прутья, словно хрустальная роза, – усыпаны невидимыми ишипами. Дно темницы сверкало бриллиантовыми зернами, из питейника сочилось вино, но птица не замечала эти богатства под когтистыми лапами. Ей хотелось оказаться в садах, цветущих пушистыми цветами позабытой свободы. Своим острым клювом она пыталась расколоть мраморные прутья клетки, что была открыта...

Из ночи в ночь, пока чаша месяца заполнялась полнолунным молоком, мое единственное сновидение изнуряло однообразием. Оно повторялось снова и снова, настойчиво пытаясь донести до меня тайное послание, но все, что я замечала в нем – реалистичные образы, заставляющие думать о правдивом существовании измученной птицы с меланитовыми глазами в мраморной клетке.

Высвободившись из липких объятий сна, я продолжила нещадно сжигать часы в солнечном свете, скитаясь по пыльным безлюдным залам.

Причудливые интерьеры Лабиринта затягивали мои поиски выхода, каждый раз приглашая сделать остановку и посетить очередную комнату подобно музейному экспонату. Я охотно отрывала контрольный листок от невидимого билета и подолгу изучала каждую деталь, выставленную напоказ. Книжки, статуэтки, картины, чернильницы и склянки с таинственным содержанием, флакончики духов, тюбики с косметикой, пластмассовые цветы в глиняных горшках и завядшие букеты. В залах было все! Единственное, что невозможно было найти в Лабиринте – зеркало или любой другой предмет с отражающей поверхностью. В этом месте мне не позволено взглянуть на себя, чтобы вспомнить собственную внешность.

Разыгравшееся воображение для каждой новой комнаты рисовало безликих актеров, что по моей воле исполняли выдуманные роли несостоявшихся жизней. Я увлекалась этими невидимыми спектаклями, разворачивающимися на подмостках моего подсознания, и забывала обо всем. Об усталости, об одиночестве, об единственной цели.

Образов возникало много. Они хаотично повторялись и слеплялись в бессвязную пьесу. От ее абсурдности кружилась голова и хотелось прилечь, но я прогоняла это назойливое желание, вновь и вновь обещая себе впредь не заострять внимание на интерьерах Лабиринта. Но уже в следующем зале моя клятва будет нарушена.

В новой комнате с вельветовыми обоями цвета разорванного неба грудь стянуло невидимым корсетом. То было волнение, лишь на пару петель отдаленное от тревоги. Но чем дольше я оставалась среди сумрачных стен, тем туже становилась стяжка между ощущениями. Как и во все другие темницы, солнечная белизна здесь не протекала через потолок, а могла только искоса заглядывать за угол маревым отблеском. Когда глаза привыкли к полутьме, мне удалось разглядеть жутковатое убранство.

На стенах хаотично разместились картины с лихорадочными абстракциями, а вся мебель была украшена молочным макраме. Крошечные бусины-пауки с узорной педантичностью оплели им потертые кресла, которые угрюмыми стражниками несли службу у письменного стола из темного дерева. Его костлявые ножки изящно держали на себе столешницу, напоминающую крышку гроба. Огромный шкаф, как могильная плита хранивший в себе холодное

дыхание эпитафий на страницах запылившихся книг, растянулся посреди комнаты почти на всю ширину.

Каждой деталью темница взывала к покойному хозяину, и я, опасаясь случайно наткнуться на его останки, намеревалась покинуть безымянную могилу. Но Лабиринт не предлагал мне иного пути, кроме как пройти сквозняком между книжным шкафом и стеной.

В другой, скрытой до этого, части комнаты, мои ноги словно вросли в каменный пол: в углу под светом звездчатого ночника я обнаружила маленькую кровать, усыпанную плюшевыми игрушками, из-под которых выглядывал краешек книжки со сказками.

Детская! В этой похожей на гробницу темнице когда-то жил маленький ребенок.

Детская! От осознания стало дурно. Я ощутила неодолимую тяжесть тела и рухнула на пол. Вокруг леденел воздух, и от глубоких вдохов легкие костенели, угрожая осыпаться инеем. Я задыхалась. Темницу затянула клубящаяся дымка, а ночник вспыхнул мотыльковым убийцей, отчего плюшевые игрушки заулыбались искореженными тенями. Меня словно сковала летаргия.

За стеной послышались шаги. Я вздрогнула, как от электрического укола: меня, замученную одиночеством и все это время искавшую компанию, вдруг напугали шорохи посторонних в стенах бесконечного Лабиринта. Опасливо оглянувшись, чтобы встретить незнакомцев с видом выкинутой на берег рыбы, я вдруг обнаружила закрытую дверь, впервые появившуюся на месте свободного проема.

Шаги затихли, и слух кольнула кристально-чистая мелодия человеческих голосов. Золотая симфония среди пустынного выжженного леса. В памяти не осталось следа о том дне, когда я слышала ее в последний раз.

Мне захотелось вскочить, распахнуть дверь и прокричать: «Я вас так долго ждала! Где вы были все это время?!», но тело окутали невидимые веревки, губы что-то шептали, а из груди не вырывалось ни единого звука. Оставалось лишь подслушивать шепот призраков из соседней комнаты.

– Семейная прогулка в зимнем лесу закончилась трагедией, – напевал томный женский голос с хриплыми нотами трубного баса. – Этот островок дикой природы со всех сторон отрезан автомобильной трассой, сельскими улицами, садовыми участками, там негде плутать. Тем не менее, узелки следов на снегу напоминали лабиринт. Мать с дочерью натыкались на собственные следы и, затягивая одну петлю, ступали на новую.

– Это лесной черт водил их кругами, – прозвенел, как колокольчик, голос напуганной девушки.

– Смерть вместе с чертом оскалила пасть со свинцовым зубом. В разгар охотничьего сезона такие случаи не редкость. Какой-то неопытный охотник спутал женщину с ланью и выстрелил на слух по невидимой цели.

Одинокие всхлипы, казалось слегка придушенные подушкой, заклекотали в мрачной детской, от чего я вздрогнула и взглянула на кровать, на которой, появившись из ниоткуда, уже лежала девочка. Человеческий галчонок, обхватив руками плюшевые игрушки, давился собственным плачем, стараясь не привлечь внимание взрослых, продолжавших напевать за прозрачной дверью об ужасной трагедии.

– Мама. Где моя мама? Я хочу к маме...

Белая атласная лента, вплетенная в темные волосы, представилась мне выпавшим пером ангела, спешно покинувшего своего подопечного и оставившего его наедине с превратностями. Воспоминания о собственных детях наравне с другими воспоминаниями прошлого стерлись из дневника моей памяти, а может и вовсе в его кожаном переплете не нашлось страниц для роли матери, но нахлынувшие внезапно знакомые чувства подсказали подойти к ребенку и обнять.

Я смогла пошевелиться, даже подняться, но, как мушка, попавшая в плетеное логово огромного паука, своим устремленным движением натянула невидимые нити, которые в одно-

часье мелодично лопнули, и в воздухе повисло облако потревоженной пыли. Застыв в замешательстве, я обнаружила, что это сияющее облако когда-то было плачущей девочкой, а теперь она исчезла, угасла, как и ночник, погрузивший темницу в душную полутьму.

Все увиденное в детской оказалось перламутром воображения, взращенным в моллюске желания разорвать пузырь одиночества. Это выцарапало на груди колкую обиду, но винить можно было только себя, собственную наивность.

Призрачная дверь, преграждавшая до этого выход из детской, исчезла, как если бы Лабиринт огромным компостером пробил в дверном проеме разрешение на мое погружение в его интерьерные таинства. Но прежде, чем закружиться в коридорных виражах, я сделала неожиданную остановку, наткнувшись в проходе на ажурную рамку, словно тенью покойника занавешенную черной тканью.

Это зеркало! Как ужаленная, я подпрыгнула к нему и сдернула темную вуаль, чтобы, наконец, увидеть свое забытое лицо. Все было тщетно: в вихре падающих волокон, сплетенных черной чередой, я потеряла свое отражение вместе с пропавшим серебром. На стене остался только каркас, обнимавший когда-то большое зеркало.

В расстроенных чувствах я безвольно нырнула в смазанную реку безликих, пустующих залов и темниц, которая стелилась по руслу моего вынужденного путешествия.

Я старалась увернуться от металлических когтей случайных мыслей, слой за слоем раздирающих разум, но удушающие фантомы оказывались проворнее: с приходом сумрака то и дело в темных углах Лабиринта мне мерещились гримасы горечи погибших людей. Погибших внезапно, без прощания, и навеки обреченных скитаться среди пепельных дюн в поисках умиротворения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.